

Горе — эпизод 1 из 2

Ой, ты, Горе горемычное!
Окрутило мужика ты, добра молодца.
Как ни бьется бедный, как ни трудится,
Никакое дело не спорится, впрок нейдет,
За столом сидит он, головой поник,
Думает сам думу невеселую:
"Без семьи бы взял да в реку бросился,
А теперь поди-кось, надевай суму
Да по людям христарadniчай.
Хоть и есть, пожалуй, старший брат, богач,
Да с богатством словно леший обошел его,
Дух лукавый жадности и гордости:
Не подаст тебе и корки хлеба черствого".
Лишь подумал так-то, а уж старший брат
Дверью стук и -- в шапке на дороге стал,
Головой едва кивнул хозяевам,
Говорит им сам с усмешкою недоброю:
"Каково, друзья, живете-можете?
Завтра буду именинник я,
Так уж бьем челом вам: не обидьте нас,
Хлебом-солью нашим не побрезгуйте".
"Благодарствуй, -- молвил младший брат в ответ. --
Нам с женой и нарядиться не во что".
"Да на что рядиться? -- говорит богач. --
Приходите так, в чем бог послал.
Всей скотины-то у вас -- петух да курица.
Всей посуды -- медный крест да пуговица,
Нечем бы, кажись, пред нами чваниться!"
"Погодим до завтра, -- говорит бедняк. --
Утро, дескать, мудренее вечера".
А поутру мужу говорит жена:
"Я ни шагу к брату, да и ты нейди:
Богачу ведь только бы потешиться
Над бездольной нашей бедностью".
"Хватит духу -- пусть потешится, --
Муж в ответ, -- а мне нельзя нейти.

За греховность, видно, бог взыскал меня,
Не помилует ли за смирение".
Взял обулся в лапти старые,
Натянул армячишко худенький,
Нахлобучил шапку рваную,
Потащился к имениннику на званый пир.
А сидели там за скатертями бранными
Все уж гости именитые,
В сапогах козловых, в шубах заячьих;
Угощает их хозяин сам с хозяйкою
Пряником печатным, зеленым вином.
Как вошел бедняк, поздравил с ангелом,
У дверей скромненько в уголочек сел,
Ничего-то бедному хозяева
Не предложат, смотрят в сторону,
Будто вовсе тут и нет его.
Вот наелись гости досыта,
Напились до полупьяна,
Гуторя из-за стола встают,
Отдают поклон хозяину с хозяйюшкой.
Встал и бедный в уголочке с лавочки,
Поклонился им до пояса.
Со двора поехали, шумят-поют;
И бедняк домой поплелся, с голоду
Затянул сам песню залихватскую:
С именин, мол, тоже возвращаюся.
Как запел -- слышалось два голоса:
Свой густой да чей-то тоненький;
Что за диво? словно подсобляет кто!
Замолчал -- и тот молчит; запел опять --
И опять поют два голоса.
"Ой ты, Горе мое горемычное!
Уж не ты ли это подсобляешь мне?"
"Я, хозяин: больно полюбился мне,
Век с тобою не расстануся".
"И на том спасибо! будем вместе жить".
Воротился наш мужик домой,
На полатях с боку на бок вертится;
От тоски ли -- ночи напролет не спит.

А уж Горе шепчет на ухо:
"Что, хозяин, закручинился?
Ты тоску злодейку утопи в вине".
"Да где денег взять-то?" -- говорит мужик.
"Эх ты, глупость деревенская!
А армяк-то у тебя на что ж?
До весны не долго: проживешь и так".
И понес армяк свой добрый молодец,
Прогулял до самого до вечера.
Как проснулся утром, слышит: Горе охает;
Знать, с похмелья тоже голова болит.
"Эй, хозяин, надо бы опохмелиться нам!"
"Армяка уж нету", -- говорит мужик.
"А телега у тебя на что ж?
На колесах, чай, не станешь ездить по снегу?
"Что тут делать? И телегу потащил мужик,
Прогулял до самой полночи.
А поутру Горе пуще охает,
Подбивает снова добра молодца:
"Эй, хозяин! погляди-ка: у тебя соха
Даром на дворе валяется".
Поволок и соху добрый молодец,
Прогулял до утра самого.
Как пришла весна, спустил все дочиста.
А от Горя все отбоя нет:
"Эй, хозяин! что бы прогулять еще?"
"Нет, дружище, право, нечего".
"А вон в поле кем-то лошадь, вишь, оставлена:
Уведем ее и сбудем с рук!"
Ничего на то он не отвечивал,
У соседа заступ выпросил
И пошел себе куда глаза глядят.
"Ты куда, хозяин?" -- Горе вслед кричит.
Он идет вперед, ни слова; в темный лес вошел,
Отвалил большущий камень заступом
И давай себе могилу рыть.
Сзади Горе из-за плеч глядит:
"Ты чего там, милый, роешься?
Не проведал ли уже про клад какой?"

Усмехнулся горько добрый молодец:
"А то как же? Вон червонцы так и светятся!"
"Где? Не вижу что-то..."
"Да вон там, в углу".
"Не видать"...
"Ослепло, что ль, на старости?"
"Полезай -- увидишь".
Делать нечего,
Опустилось Горе в яму; а мужик-то наш
Сверху камнем тем и завали его.
"Ну, дружище, не прогневайся!"
"Впрямь, даст бог, уже не свидимся".
Поздно Горе спохватилось,
Из-под камня к молодцу взмолилось:
"Ишь шутник какой! Ну, полно, выпусти!"
"Полежи маленько, -- отвечал мужик, --
Ты же ведь со мной шутило шуточки,
Ну а долг, известно, платежом красен".
"Без меня, голубчик, ты соскучишься".
"Потерплю; авось утешусь".
И, взвалив опять на плечи заступ свой,
Повернул домой он и на радостях
Залился веселой песнею.
Разбудила песня темный лес кругом,
Понеслася дальше по лугам-полям;
Да на этот раз чужого голоса
Рядом с нею уж не слышалось.
И скатился с плеч у молодца
Будто груз какой, гора тяжелая.
Как тут мимо поля братнина
Проходил он, видит: поле пашется;
И соха, и лошадь братнины;
Да идет-то за сохой не брат его,
А какой-то человек неведомый.
Только примется, кажись, за полосу --
Глядь, назад другую бороздит опять.
Из-под рала комья так и валятся,
Так и лезут сами из сырой земли;
Валуны и пни корявые,

Словно щепки, так и сыплются.
"Ай да пахарь! исполать тебе! --
Похвалил мужик работника удалого. --
Как назвать, не знаю, величать тебя?"
"А зовут меня Судьбою-счастьем
Твоего родного брата старшего.
Он баклуши бьет; а я тем временем
На него без устали работаю".
"А мое куда же Счастье делосся?"
"А твое вон под кустом лежит;
Под кустом лежит да без просыпу спит".
"Погоди ж ты! -- говорит мужик. --
У меня небось еще напляшешься".